

12+

Артём Попов
Светлана Нильс

Путь Николаса

Артём Попов Светлана Нильс Путь Николаса

<https://litres.ru/74544053>

ISBN 9785007135191

Аннотация

Николас переезжает из Лондона в Петербург — новая жизнь: школа, друзья, подвал с компьютерами. Но в геймерском клубе вспыхивает искра — и он с Катей попадает в незавершённую игру. Здесь код пишется чувствами: страх — лабиринт, гнев — стена, доверие — ключ. Шагая по уровням, они теряют проводников и находят друг друга. Они решают остаться в нейромире навсегда. Но раз в год он возвращается в реальность на час. Друзья выходят на связь через код. Бабушка получает письма. А игра продолжается.

Содержание

Аннотация	5
Глава 1. Лондонский дождь не прощается	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Путь Николаса

Артём Попов
Светлана Нильс

© Артём Попов, 2026

© Светлана Нильс, 2026

ISBN 978-5-0071-3519-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация

Николас переезжает из Лондона в Петербург — и думает, что начинается новая жизнь. Школа, друзья, подвал с компьютерами. Но однажды в геймерском клубе вспыхивает искра — и он вместе с Катей оказывается внутри незавершённой игры.

Здесь код пишется не логикой, а чувствами. Здесь страх становится лабиринтом, гнев — стеной, а доверие — ключом. Шаг за шагом они проходят уровни, теряя проводников и находя друг друга.

Николас и Катя выбирают остаться в нейромире — навсегда. Но раз в год он возвращается в реальность на один час. Друзья выходят на связь через код. Бабушка получает письма. А игра продолжается.

Глава 1. Лондонский дождь не прощается

Дом на Клэпхем-роуд стоял как старый больной зуб, вставленный в ряд таких же больных зубов. Его кирпичные стены, когда-то красные, теперь выцвели до цвета запёкшейся крови, и в щелях между ними годами скапливалась лондонская сырость — жирная, холодная, с запахом мокрого камня и старой штукатурки. Трещины на фасаде расходились паутиной, и в дождливые дни по ним стекала вода, оставляя тёмные полосы, похожие на следы слёз.

Николас стоял у окна своей комнаты на втором этаже и смотрел, как город тонет.

Это был тот самый Лондон, которого не показывают в открытках. Не Биг-Бен, не красные автобусы. А серый, вязкий, бесконечно текучий Лондон, где небо висело так низко, что казалось — до него можно дотянуться рукой, но вместо облаков пальцы встретят только влажную вату. Дождь шёл уже третьи сутки — не ливень, не морось, а что-то среднее, назойливое, как чужой шёпот за спиной. Капли сползали по стеклу медленно, тяжело, оставляя за собой мутные дорожки, и Николас иногда следил за одной из них, пока она не

исчезала за подоконником, растворяясь в бесконечной серости.

Но в этот час — за час до заката — Лондон вдруг переставал быть серым.

Солнце пробивалось сквозь рваные облака низко, почти у самого горизонта, и его свет был не жёлтым, а золотым, густым, как растопленный мёд. Он втекал в комнату широкими полосами, ложился на старый деревянный пол, на поцарапанный стол, на стопки книг и детали от ноутбука, превращая их в тёплые, светящиеся предметы. Пылинки танцевали в этих лучах, медленно кружась, как будто их кто-то заколдовал.

Николас подставил лицо солнцу. Оно было тёплым — не обжигающим, а мягким, как прикосновение. Оно подсвечивало его руки, лежащие на подоконнике, и он видел, как золотой свет скользит по его пальцам, по линиям ладоней, по тонкому шраму от скальпеля, который остался после того, как он неудачно починил старый вентилятор.

В этом свете даже пыль казалась живой. Она поднималась от стола, от книги, которую он не закрыл, от старой карты Петербурга, которую он купил в книжном, но так и не повесил на стену. Золотые искорки плавали в воздухе, как кро-

шечные звёзды, и на мгновение Николас забыл о дожде, о серости, о том, что Лондон никогда не бывает по-настоящему тёплым.

Но солнце двигалось. Оно опускалось ниже, лучи становились длиннее, и тени от старых домов напротив ползли по комнате, как медленные, тёмные руки. Через несколько минут золото исчезнет — и снова останется только серая, влажная вата неба.

Николас стоял и смотрел на этот уходящий свет, и внутри него вдруг шевельнулось что-то, чему он не мог дать имя. Не грусть. Не тоска. Ощущение, что этот свет — последний. Что скоро начнётся что-то другое, и он уже никогда не будет стоять так просто, у окна, в тишине, с пылинками в золотом воздухе.

Он ещё не знал, что это правда.

В комнате пахло старым деревом, озоном от ноутбука и чуть заметной горечью — той, что остаётся после долгой работы паяльника. На столе, заваленном платами, проводами и вырванными из старых компьютеров вентиляторами, стоял его главный проект — ноутбук, собранный из запчастей, купленных по дешёвке на рынке у Брикстон. Корпус был поцарапан, одна петля держалась на изоленте, но внутри го-

рел синий индикатор, и экран освещал лицо Николоса холодным, ровным светом, который спорил с золотом заката.

Он писал код.

Строки скрипта бежали одна за другой — аккуратные, выверенные, без лишних пробелов. Он любил эту чистоту. В мире кода не было случайностей. Каждая команда имела смысл, каждая ошибка была видна сразу, и её можно было исправить. В отличие от реальности, где люди уходили, не объясняя причин, и города менялись, как чужие сны.

Он слышал, как внизу, в гостиной, Люда перебирала свои чётки. Янтарные бусины, тёплые и гладкие, стучали друг о друга с сухим, ритмичным звуком — как тиканье старых часов, которые никто не заводил. Она сидела в кресле, которое помнило ещё её мать, и напевала что-то тихое, русское, почти неразборчивое. Иногда она останавливалась и прислушивалась — к дождю, к шагам на лестнице, к голосам, которых никто больше не слышал.

Николас любил эти моменты. Они были его убежищем.

— Ник! — голос мамы прорезал тишину, как нож.

Он вздрогнул. Пальцы замерли над клавиатурой. В голо-

се Виктории была та странная, высокая нота, которая появлялась только тогда, когда случалось что-то большое. В прошлый раз она так говорила, когда сообщила, что уходит их соседка миссис Маккензи. В позапрошлый — когда он впервые увидел отца на фотографии, которую мама случайно оставила на столе.

Но отца не было в его жизни. Он ушёл до рождения Николаса. И мама никогда не говорила о нём. Только однажды, когда Ник спросил, почему у других детей есть папы, она ответила: «Ты сам себе папа, Ник. Ты сильный».

Он спустился вниз.

Ступени скрипели под ногами — каждая на свой лад. На площадке между первым и вторым этажом висела старая люстра, и одна лампочка в ней постоянно мигала, как будто дышала. Свет резал глаза, и Николас прищурился.

В гостиной было душно. Запах чая с бергамотом смешивался с пирожками Люды — капуста, лук, чуть подгоревшее тесто. Пахло домом. Пахло тем, что всегда было.

Но сегодня в этом запахе чувствовалась тревога. Тонкая, как паутина.

Виктория стояла у стола, сжимая планшет так сильно, что побелели костяшки пальцев. На экране светился контракт — цифровой документ с печатями, подписями и голубыми строками условий. Она смотрела на него так, как будто от этого зависела вся их жизнь.

— Мы переезжаем, — сказала она.

Слова упали в комнату, как камни.

Николас не сразу понял. Он смотрел на маму, на её лицо, на котором боролись страх и решимость. И вдруг внутри него что-то ёкнуло — не страх, нет, — что-то похожее на открытие. Как будто дверь, которую он всю жизнь считал запертой, вдруг приоткрылась.

— В Санкт-Петербург, — продолжила Вика. — Я получила контракт на управление сетью стоматологий. Тридцать семь филиалов. Это... это возможность. Мы сможем начать заново.

Люда медленно повернула голову. Её глаза, выцветшие от старости, но всё ещё острые, посмотрели на сырое лондонское небо, а затем на Николаса.

— Ну что ж, — сказала она тихо, с хрипотцой.

— Стало быть, к дому.

Николас не понял этих слов. Но они отозвались в нём как эхо, как давно забытый звук, который он слышал во сне.

В груди разлилось странное тепло — не страх, не радость, а что-то среднее, тягучее и сладкое, как расплавленный мёд.

Санкт-Петербург.

Он никогда там не был. Но это имя звучало как обещание. Как код, который он не мог прочесть, но уже знал — он будет важным.

Вика убрала планшет в сумку. Её пальцы дрожали.

— Я знаю, это неожиданно, — сказала она. — Но мы справимся. Все вместе.

Николас кивнул. Он смотрел на неё и впервые за долгие годы видел не уставшую женщину, а человека, который делает шаг в неизвестность. И этот шаг был смелым.

— А дом? — спросил он, хотя уже знал ответ.

— Продаём, — ответила мама. — Всё по-честному. Мы забираем только то, что нам нужно. Остальное — прошлое.

Прошное.

Николас повернулся к окну. Лондон за стеклом всё так же тонул в дожде. Улицы блестели, как чёрное стекло, и фонари размазывали по ним оранжевые пятна, похожие на раны. Город не прощался. Он просто переставал быть.

И в этот момент Люда поднялась. Она опиралась на трость — старую, тёмную, с ручкой в виде головы волка. Её пальцы, унизанные серебряными кольцами, сжали янтарные чётки, и она посмотрела на внука так, как смотрели на него только во сне — прямо, пронзительно, до дрожи.

— Там, — сказала она, и голос её был не громче шёпота, но он заполнил комнату, как дым, — будет не только школа и технологии. Там будет то, что ты не выбирал. Но оно уже выбрало тебя.

По позвоночнику Николаса пробежал холод. Не от страха — от узнавания. Он чувствовал, что эти слова — не предсказание, а откровение. Что-то, что всегда было там, за ширмой его сознания, наконец вышло наружу.

Он хотел спросить, что это значит. Но мама уже устало махнула рукой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.